

We can start way, way back with the epic bard Homer
Who wrote about Helen while nursing a boner.
And even though Homer was totally blind
He was blessed with something beyond a sharp mind.
Shakespeare (the first) while writing King Lear
Got totally hammered guzzling beer.
And in between poems, word has it that Keats
Liked to cavort betwixt oft-soiled sheets.
Milton himself was a mischievous louse
Whose favorite hobby was to egg Shakespeare's house.
And with whom did Milton engage in this fun?
Sometimes Ben Jonson, sometimes John Donne.
Dante's Inferno housed souls hot and sweaty,
But his own hell was worse after too much spaghetti.
Every great writer needs inspiration—
Dante's came from acute constipation.
Not many folks know that George Bernard Shaw
Could often be found wearing a bra.
My pen has been leaking all over my hand
Please be my paper; that would be grand [1].

It is not just Shakespeare the boy mocking Shakespeare “the first” and other VIPs. It is Wizner speaking ironically of the whole canon. The “old” writers cannot help the boy to succeed with his studies, social communication, sexual needs and family issues: “You think I’ve got it easy just because I’m a white, upper-middle-class Jew from New York?” The canon has left its central position leaving space for.. what? For ironic meditation upon mediocre but nevertheless valuable life as Jake Wizner suggests.

Bibliographic references

1. Wizner, J. Spanking Shakespeare [Electronic Resource] / J. Wizner. Ember, 2008. 304 p. Mode of access : <https://www.thefreelibrary.com/Wizner%2C+Jake.+Spanking+Shakespeare.-a0189598358>. Date of access : 12.06.2018

Зуева О. В. (Минск)

Именования выходцев с белорусских земель в старорусских документах второй половины XVII века

Оригинальные материалы для изучения истории славянских этнонимов, катойконимов, политонимов; исследования принципов официальных номинаций лиц и социальных групп содержатся в старорусских документах XVII века, фиксирующих широкий спектр деловых отношений между Московской Русью и Речью Посполитой. Выписки из таможенных книг, расспросных речей и сказок, проезжие грамоты купцов, челобитные ремесленников и «комедиантов», отписки воевод сообщают имена и сюжеты повседневной жизни сотен выходцев из Витебска, Быхова, Могилева, Слуцка, Минска и многих других

городов и местечек. Эти источники содержат информацию о том, как *торговые люди* возили за рубеж товары, периодически жалуясь царю на обиды и *пограбления*; как мещане-переселенцы «оседали» надолго в слободах, занимаясь теми или иными ремеслами и творчеством: *а кормится де он портным мастерством, а кормится де он на Москве – продает орехи* [3, с. 27]; *кормитца – делает овчины* [3, с. 41]; *кормитца – в скрыпку играет* [там же] и подобное.

Упоминание в документе лиц обязательно сопровождается их характеристиками – для этого используются катойконимы, этнонимы, политонимы в тех или иных комбинациях; называется социальный статус участника ситуации. В свете не теряющих актуальности вопросов о формировании этнического самосознания белорусов и восприятии белорусов представителями других народностей (в данном случае «великорусской») мы проанализировали способы именованья выходцев с тех территорий Речи Посполитой, которые являются историческими белорусскими землями, в документах второй половины XVII века. Источниками языкового материала стал сборник документов «Русско-белорусские связи во второй половине XVII века (1667–1686 гг.)» (Минск, 1972).

Исследованные номинации являются либо самохарактеристиками (в челобитных, расспросных речах), либо характеристиками, данными третьими лицами – составителями документов. Многие выражения являются текстовыми формулами и многократно воспроизводятся, различаясь только подставляемыми именами собственными. Рассмотрим некоторые слова и выражения, указывающие на «зарубежное» происхождение участника фиксируемых в документе отношений.

Слово *иноземец* широко употребляется в составе текстовых формул: *иноземец* + указание на род занятий + имя; *иноземец* + образованное от ойконима прилагательное + социальный статус + имя и др.: *того же числа явил иноземец могилевской мещанин Григорей Семенов 10 рублей денег* (запись о сборе пошлин, Вязьма, 1668 г. [3, с. 54]); *взяты к Москве ис Полоцка в Оружейную полату сабельного дела придельщики иноземцы Петрушка Васильев, Гришка Литовицкой, Федька Мартынов, Васька Иванов* (память, Москва, 1673 г. [3, с. 134]) и др. *Иноземцы* – любые, не только выходцы из Речи Посполитой – регулярно эксплицитно противопоставляются жителям Московского государства, например: *И против того выписано на мер ствольных же мастеров иноземцов и русских денежныя и хлебныя оклады* (выпись в Оружейной палате о быховском ствольном мастере, 1675 г. ([3, с. 157]); *...и от всяких обид на той ярманке всяких чинов людей служивых*

и купецких русских и иноземцев остерегают и держат к ним привет и ласку (помета к коллективной челобитной купцов, 1677 г. [3, с. 231]).

Слово *иноземец* употребляется также при самохарактеристике в челобитных и в расспросных речах: *бьет челом холоп твой иноземец лекарь Артюшка Назарьев* (челобитная в Аптекарский приказ, 1682 г. [3, с. 300]); *породою де он иноземец, польского города Минска пахотного отца сын* (расспросная речь крестьянина в Посольском приказе, 1680, с. 291) и др.

Большой интерес представляет функционирование номинации *литвин*. Слово *литвин* неоднократно становилось предметом историко-лингвистических исследований. Обобщая точки зрения на эволюцию его семантики, И. О. Гапоненко в статье «Этнонимы ў беларускай мове XIX – пачатку XX стагоддзя» указывает следующее: «Паводле сцверджанняў даследчыкаў, у гістарычных крыніцах XIV–XVI стст. яно выкарыстоўвалася ў цэлым шэрагу значэнняў. Так, Алег Латышонак указвае, што беларускі даследчык Г. Галенчанка зафіксаваў у тагачасных тэкстах як мінімум восем значэнняў гэтага этноніма. Найбольш распаўсюджанымі і найменш спрэчнымі з іх, на думку многіх навукоўцаў, з’яўляюцца два значэнні: этнічнае – як найменне літвінаў у вузкім сэнсе гэтага слова (фактычна этнічных літоўцаў), г. зн. пераважна жыхароў Аўкштоты, без жмудзінаў, і палітычнае – як экзаэтнонім для называння грамадзян старажытнай дзяржавы Вялікае княства Літоўскае любой нацыянальнасці» [1].

Исследованный нами материал показывает, что в русских деловых текстах конца XVII века слово *литвин* используется как обобщенная номинация жителей территорий Великого княжества Литовского в составе Речи Посполитой. Неясно, как интерпретировать эту номинацию – как экзоэтноним или экзополитоним. Например: *...привел Федорова приказ Янова стрелец Титко Федотов литвина к ответу, витепского торгового человека Остафья Андреева сына Пажанка* (сказка, 1668 г. [3, с. 52]); *Мая в 11 день продано литвину могилевцу Саве Агееву 20 сороков соболей... Мая в 13 день продано литвину Захарью Алтуфьеву 19 сороков соболей... Того же числа продано литвину могилевцу Марку Леонтьеву сорок соболей* (записи из расходной книги Купецкой палаты, 1675 г. [3, с. 158–160]).

В исследованном корпусе слово *литвин* встречается значительно реже, чем слово *иноземец*, и оно не используется как самономинация. Составители челобитных называют себя *иноземцами*, указывая на место проживания, например: *...бьет челом сирота твой, иноземец Витепского города Софонко Яковлев* (1672 г. [3, с. 98]); *...бьет челом королевского величества города Быхова евреенин Самошка Яковлев*.

В нынешнем, государь, в 181 году приволкся я, **иноземец**, к тебе, великому государю, к Москве... (1673 г. [3, с. 110]); как видно из примера, представитель еврейского населения города также не называет себя литвином, то есть данное слово не используется ни как эндоэтноним, ни как эндополитоним). Зафиксировано восприятие субъектом себя как поляка: ...а в роспросе передо мною... он, Куземка, сказался **польской породы**, мещанской сын Старого Быхова (1668 г. [3, с. 51]); А в Розряде в роспросе тот шляхтич сказался. – **Поляк Оршанского повету**, служил де он польскому королю... (1667 г. [3, с. 7]); ...а в роспросе сказался. – **Польские породы** католицкие веры, житель города Полоцка, шляхетцкой сын... (1685 г. [3, с. 329]).

Очевидно, в подобных высказываниях отражены этноконфессиональные самохарактеристики. Ср. иную запись, в отписке в Посольский приказ: ...выходец Ашмянского уезду шляхтич Стефан Иванов сын Граховской, а в роспросе он, Стефан, сказал, что... отпущен он с Москвы в Литву с ево братьею с **литовскою шляхтою** вместе. И он, де, Стефан, в литовской стороне родимцев своих не сыскал никою (1669 г. [3, с. 66]). Таким образом, в документах отражена важность для дающих показания самоидентификации как «литовской шляхты» или шляхты «польской породы».

На четкое разграничение разных этносоциальных групп указывает и устойчивое сочетание с собирательным значением «население Речи Посполитой» **польские и литовские люди** (**купецкие люди, мещане**), отмеченное в документах 1660-х гг., например: *Которые, государь, польские и литовские люди и розных поветов начнут приезжать...* (отписка воеводы в Посольский приказ, 1667 г. [3, с. 5] – в тексте это выражение используется несколько раз); ...учинить списки имянные полону **польским и литовским мещаном** (память в Посольский приказ, 1668 г. [3, с. 19]) и др.

Только в трех документах (два из них связаны между собой общим сюжетом) встретилось слово **белорусец**. Первый – это запись расспросных речей участника восстания Степана Разина Осташки Троицкого 1672 г.; второй и третий – документы по делу о побеге могилевского мещанина Ивашки Шестакова 1679 г.: челобитная иеромонаха и запись расспросной речи Шестакова. Таким образом, в первом и третьем документах цитируются показания лиц, назвавших себя **белорусец**, что позволяет говорить о том, что это слово было их самономинацией. Приведем все три примера.

1) *А на Москве в Посольском приказе в роспросе донской казак Осташка Троицкий сказал. – Родом де он белорусец, города Гродни,*

взят в полон в то время как великий государь был под Вильною, и с того времени жил все на Дону и служил казацкую службу [3, с. 100];

2) ...и бежал от меня, богомольца твоего. А родом тот малой белорусец, Могилева города мещанской сын... [3, с. 277];

3) ...а сказался де ему, думному дьяку, что он малой вольной, Могилева города белорусец [3, с. 277].

Приведенные примеры свидетельствуют о четкой этнической самоидентификации лиц, называвших себя *белорусцами*. Особенно показателен фрагмент расспросной речи Ивашки Шестакова: *А мать де ево Ивашкова Аксиньица живет и ныне в Могилеве, а с нею два сына, а ему де, Ивашку, братья. А в Польскую де землю к матери своей и к братьям не едет...* (с. 278). Город Могилев для Ивашки – это *Польская земля*, но сам он *белорусец*.

На специфику употребления в письменных памятниках слова *белорусец* обращал внимание историк Олег Латышонок: «Па дзіўнай іроніі лёсу, як “беларусакі”, так і “беларусцы” у рускіх тэкстах [Рэчы Паспалітае] сустракаюцца толькі ў адзінкавых выпадках. У той жа час найменне “беларусцы” шырока прыжылося ў маскоўскім пісьменстве» [2, с. 210]. В изученном нами корпусе текстов эта номинация не имеет широкого распространения.

Проанализированные памятники деловых отношений между Московским государством и Речью Посполитой показывают, что самой частотной является номинация *иноземец*, сопровождающая социальные характеристики лица и название его имени. В текстах широко употребляются катойконимы, что обусловлено необходимостью предоставления соответствующей информации об участниках деловых отношений (*витеблянин, быховец, друинин, могилевец* и многие другие). Выражение с собирательным значением *литовские и польские люди* отмечено в документах 60-х гг. XVII века и в выявленных контекстах может быть интерпретировано как экзополитоним. Номинация *литвин* используется как экзоэтноним для населения Речи Посполитой (непольского? нееврейского?). Слово *белорусец*, отмечено только в трех текстах 1670-х гг., в том числе в записях расспросных речей; в этих источниках оно функционирует как эндоэтноним.

Библиографические ссылки

1. Гапоненка І. А. Этнімімы ў беларускай мове XIX – пачатку XX стагоддзя [Электронный ресурс] // Роднае слова. 2010. № 9. С.42–46. Режим доступа : <http://elib.bsu.by/handle/123456789/16874>. Дата доступа : 01.03.2019.

2. Латышонок. А. Нацыянальнасць – Беларус. Вільнюс : Інстытут беларусістыкі : Беласток : Беларускае гістарычнае таварыства, 2009. 558 с.

3. Русско-белорусские связи во второй половине XVII века (1667–1686 гг.). Сборник документов. Минск : Издание БГУ, 1972. 376 с.